

Преступность и причинность

Новые Известия — 2001 — 19 дек. — с. 6

Фильмом «Роберто Сукко» (постановка Седрика Кана, в главной роли Стефано Кассетти) в Москве продолжился Фестиваль французского кино

Виктор МАТИЗЕН,
«Новые Известия»

Фильм имеет документальную основу. В 1981 году в пригороде Венеции 19-летний итальянец убил отца и мать, был признан невменяемым, в 86-м сбежал из психиатрической больницы и почти два года гонял по Франции, воруя машины, грабя дома, похищая и убивая. Полиция долго не могла его изловить, так как не связывала воедино различные преступления, совершаемые в различных местах. Арестовали Сукко лишь в 88-м, после того, как идентифицировали благодаря доносу его юной любовницы. В полиции он объявил себя политическим борцом, а в тюрьме выбрался на крышу и устроил там стриптиз с выкрикиванием бессвязных лозунгов, после чего удушился в своей камере.

Французы любят писать книги и снимать кино об уголовниках, а уголовники, обнаружившие художественный талант, становятся во Франции идолами. Сексуальному преступнику и сумасшедшему беллетристу де Саду посвящено несметное число исследований и несколько фильмов; вор, педераст и драматург Жан Жене считается едва ли не мучеником, а известные убийцы вроде Жюль де Ре (прототип Синеи Бороды), Ласенера, Ландрю, Полена, Ривьера или сестер Папен время от времени удастаиваются отдельных картин. Преступник, как точно выразился кинокритик Михаил Трофименков, «используется как некий социокультурный аргумент», то есть служит подспорьем для художественно-идеологических построений автора книги или фильма. При этом художники нередко выступают в роли адвокатов и всячески перекладывают вину с преступного субъекта на «преступные» обстоятельства, внешние или внутренние: виновными могут оказаться время, общество, семья, школа, родовая травма, длинный нос, неудачный сексуальный опыт и т.д.

Фильм Седрика Кана не является защитной речью в пользу Сукко, но также служит доводом — в полемике против описанной традиции. Режиссер не ищет причин преступности своего персонажа и виновных в том, что он стал убийцей, хотя отмечает, что полиция оказалась тугодумной и неловкой, а некоторые потенциальные жертвы сумели остаться в живых благодаря тому, что ус-

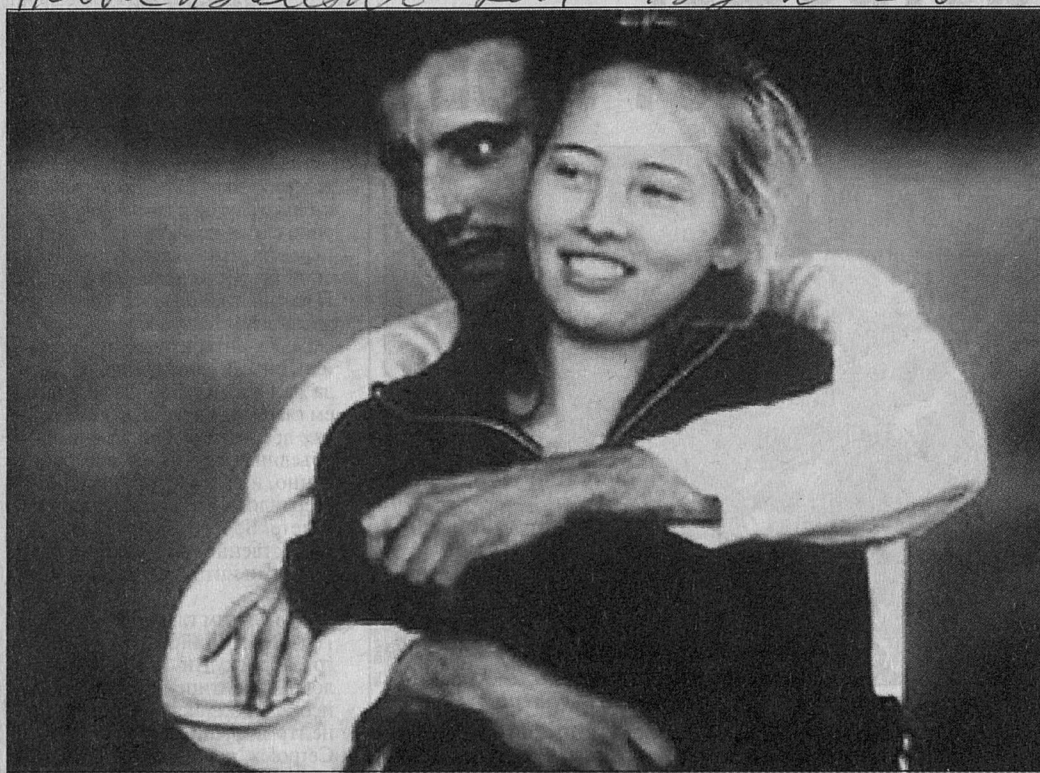
тановили с бандитом человеческий контакт. Реконструируя (на основании документальных свидетельств, собранных в книге Паскаля Формана) последний год жизни преступника, режиссер проводит мысль о том, что его кровавые злодеяния не имели мотива — понятно, за исключением случаев, когда вызывались попытками полиции схватить его. Действия Сукко, которого выразительно играет непрофессиональный актер Стефано Кассетти, спонтанны и непредсказуемы. Большей частью он кажется обычным вралем, бабником и бездельником, а потом без перехода выхватывает пистолет и оставляет за собой очередной труп. Если бы не глаза, из которых смотрит иное существо, его трудно было бы даже выделить из толпы.

«Логика отсутствия логики» приводит к тому, что фильм превращается в простую регистрацию действий Сукко и преследующих его полицейских. Зрителю остается лишь смотреть на происходящее и бездумно хлопать глазами, поскольку все идеи по поводу происходящего автором пресекаются. Кан добился того, чего хотел, но сомнительно, чтобы это пошло на пользу картине, поскольку персонаж не вызывает ни сочувствия, ни отвращения, ни мыслей, не должен вызывать и особого интереса.

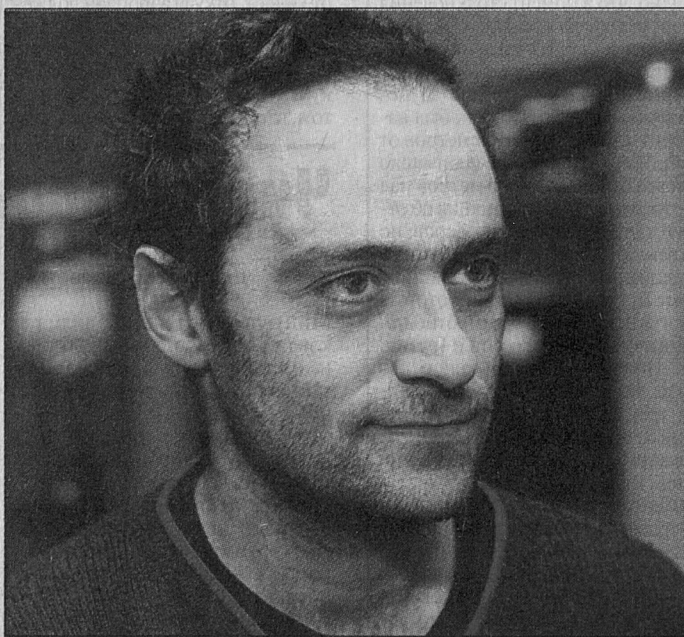
Беседа с Седриком Каном состоялась в Москве, куда режиссер приехал на премьеру своей картины в рамках фестиваля французского кино.

— Создается впечатление, что во Франции каждый известный преступник становится объектом художественного интереса и едва ли не национальным героем...

— Я думаю, что это в еще большей степени свойственно Америке. Во Франции более жесткое законодательство и меньше либерализма по отношению к людям, которые преступают закон. Конечно, если смотреть на всю историю кино, во Франции было снято много картин о преступниках. Но за последние 20 лет их почти не было. Притом мой герой, Роберто Сукко, не француз, а итальянец. Он не так уж известен и не исключителен. Он лишь один из ряда ему подобных. И у меня не было никакого желания делать из него героя. Мою картину можно рассматривать как полицейское расследование с точки зрения свидетелей и жертв. При чем особое внимание я уделял

Непредсказуемый Сукко: убивать или нет?

Иррациональный Седрик Кан.

точке зрения жертв — именно потому, что при описании громких преступлений жертвам обычно уделяется мало внимания, благодаря чему и удается вызвать у публики восхищение преступником. Для меня как раз было важно изменить подобное отношение и показать преступника и преступление в реальном свете. А для этого гораздо лучше всего представить его обычным человеком.

— Но если он обычен, то что вас заинтересовало именно в нем?

Почему именно Сукко стал предметом картины?

— Я хотел, чтобы фильм ясно отвечал на этот вопрос. Я не считал Сукко преднамеренным убийцей. Единственное его умышленное преступление — убийство родителей, о котором в фильме лишь упоминается. Естественно, что человек, убивший отца и мать, уже перешел некую границу, после которой он может убить кого угодно. Никакой закон ему уже не писан. Он не

ищет возможности убить, но обстоятельства приводят его к тому, что ему приходится убивать. Об этом свидетельствуют показания людей, которым удалось избежать смерти после общения с ним. Мне была интересна именно непредсказуемость действий Сукко. Он кого-то встречает, ситуация развивается, но совершенно неизвестно, чем она закончится. Вот он захватывает женщину с ребенком, везет куда-то в лес, заставляет раздеться и... уезжает, оставив их голыми. У него нет шаблона, он реагирует на то, с кем вступает в общение.

— Творческая личность, одним словом...

— Он абсолютный шизофреник, но мне он представляется человеком, который ищет сам себя. Он меняет имена, изменяет внешность, отрекается от самого себя, возвращается на места своих преступлений, чем невольно сбивает с толку следователей. Он обретает себя лишь тогда, когда возвращается в родные места. Мне казалось, что все это должно держать зрителя в напряжении, как и детективная интрига. Есть тайна в самом Роберто Сукко, есть загадка в том, как его поймать. Все это меня и привлекло как режиссера.

— Не кажется ли вам, что слово «шизофрения» как бы прикрывает всю проблематику картины? На вопрос: «Почему он так сделал?» следует ответ: «Потому что псих», и точка.

— Для меня слово «сумасшедший» ничего не объясняет, но

требует дальнейшего рассмотрения. Хотя это действительно случай из области психиатрии.

— Означает ли спонтанность действий вашего персонажа, что некоторые из людей, попавшихся Сукко на его кровавом пути, могли бы избежать смерти, если бы иначе? Есть ведь наука виктимология, которая объясняет, почему некоторые люди, сами того не ведая, привлекают к себе преступников...

— Я не думаю, что кто-то может дать обоснованный ответ на этот вопрос или предложить рецепт, как себя вести. Могу лишь сказать, что Сукко часто убивал из страха. Те, кого он не боялся, обычно оставались живы. Но, с моей точки зрения, научные и просто рациональные соображения тут бессильны. Действия полиции в фильме доказывают именно это — полицейские пытаются рассуждать логически, но логика в случае с Сукко не работает. По моему мнению, кино существует как раз для того, чтобы показать вещи, которые не могут быть объяснены словами.

— Кино — гораздо более рациональная вещь, чем вы хотите представить. Хотя бы потому, что опирается на сценарий, который написан словами. Кроме того, многие постановщики, сознательно или нет, объясняют преступления своих героев и перекладывают вину с преступника, например, на общество...

— Можно, конечно, сказать, что в прошлом преступника было нечто, что привело его к преступлению, но это не исчерпывающее объяснение, потому что можно найти другого человека, у которого в жизни было то же, но он не стал из-за этого преступником. Конечно, найденная причина успокаивает и обнадеживает, потому что внушает иллюзию, что устранение причин однажды приведет к искоренению преступности. И очень трудно смириться с мыслью, что преступление является неотъемлемой частью человеческой природы. Всех пугает предположение, что преступник такой же человек, как и мы. Легче прятаться за объяснениями и пытаться надеждой, что возможно познать человеческую сущность и предотвратить ее нежелательные проявления. Мой предыдущий фильм как раз об этом.

— О том, сколь бесполезно познавать самого себя, и о неустрашимом противоречии между разумом и телом? Я его не видел, но читал о нем.

— И о том, что рациональность — это болезнь, препятствующая удовольствию.

— А еще говорят, что Франция — страна классического рационализма.

— Что ж, значит, у меня не совсем французский менталитет...